

Эмоции во лживой коммуникации

© доктор филологических наук В.И. Шаховский, 2005

Введение

Мнения разных языковых личностей (ЯЛ) об одном и том же событии, факте, явлении редко полностью совпадают. Истинным каждому из нас представляется только *наш* взгляд, *наше* восприятие и понимание, только *наша* интерпретация. И. Губерман этот исторический факт точно и емко объективировал в одном из своих гариков, в котором *все* мнения он считает заблуждениями и основой всех споров:

*Между слухов, сказок, мифов // Просто лжи, легенд и мнений
Мы враждуем жарче скифов // За несходство заблуждений.*

Люди думают, что они общаются друг с другом на уровне правды, которая, однако, у каждого из них своя. При переходе на уровень истины каждому из речевых партнеров позволяет увидеть *другие* правды и применить к ним *свою*. В речевых актах (диалогах) всегда существует оппозиция «*твоя* правда vs. *моя* правда». Интересно, что, по замечанию А.В. Пузырева, у русского слова *истина* (которая выше правды) нет синонимов, по сравнению со словом *правда*. Этот факт, по его мнению, указывает на отсутствие концепта «Истина» в русском менталитете, хотя само слово есть [Пузырев 2001].

Правду и ложь трудно дифференцировать еще и потому, что, по мнению французского философа 60-х годов Мишеля Пете, слова не прозрачны и говорящий субъект не является полновластным хозяином своей речи. Это мнение аргументируется тем, что всегда есть слова, предшествующие тому, что мы говорим, и то, что мы говорим, всегда пронизано словами других. Плюс к этому – «паутина» тысячи ассоциаций у каждого слова, своего и чужого. Все это – огромная база для порождения неискренних высказываний.

Этот объективный факт объясняется тем, что семантика любого слова для его пользователя содержит помимо кодового содержания еще и личностные компоненты, соотносящие это слово с ситуациями всех его предыдущих употреблений. А они у каждого пользователя языка свои, поэтому и появляется разброд в восприятии, понимании и интерпретации одного и того же высказывания даже во внутрикультурном (одноразичном) общении. При межкультурном общении проблема динамической эквивалентности еще более усугубляется [Шаховский 1998а].

Ложь как психолингвистическая проблема языковой, правовой и нравственной экологии

Ложь в современном российском обществе особенно распространена, т. к. она моделирует эмоции и поведение реципиентов, их восприятие информации, ее понимание. Психологи разработали концепцию спиралевидной модели понимания: слова раскручивают мысли реципиентов и направленные на них высказывания в двух направлениях: в их предшествующий видовой и индивидуальный (личностный) опыт и в их последующий за данными высказываниями опыт. И если в предшествующем опыте реципиента уже определенный говорящий ассоциируется с какой-либо ложью, она становится континуальной. Ложь закрепляется в семантической памяти языковых знаков и языкового сознания их пользователей через соответствующие фреймы, стереотипы, гештальты, ассоциации (например, на слово «реформа»: ни одна реформа в нашей стране, вопреки обещаниям правительств, заверениям госчиновников, не улучшает жизнь рядовых граждан нашей страны): это слово маркировано коннотацией лживости.

Изначально язык служил системой ориентирования *homo loquens* в общении. А теперь он все больше превращается в систему дезориентации, разобщения людей. Недостроенная древними людьми Вавилонская башня продолжает разрушаться. И теперь виновато в этом не разноязычие, а «разномыслие», т. е. ложь в ментальных и в (а)вербальных репрезентациях ситуативного взаимодействия *homo mentiens (fallens)*. Язык считается путеводителем человека к самому себе и к другим. Но, как выясняется, путеводитель этот неблагонадежный, потому как люди лгут не только другим, но и самим себе. Как утверждает В. Ф. Петренко, «грязная рубашка – теплее». Видимо, в этом и заключается интрига лживого общения как специфического коммуникативного жанра.

Тот факт, что ложь в коммуникативном поведении ЯЛ занимает огромное место, подтверждается огромным концептуальным полем лжи, все фрагменты лексикализации и фразеологизации [Ryabtseva 2003] которой имеют имена в разных частях речи русского и английского языков.

Ложь – это всегда разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т. е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом). Ложь – это всегда замена (подмена) референциальных соотношенностей. Используются и другие виды несоответствий в ложных коммуникативных актах: между прямым значением и переносным, между эксплицитным и имплицитным значе-

ниями (при общей форме их выражения), между узуальным (кодированным) и окказиональным (индивидуальным) значениями.

Л. Андерсон считает, что *«лингвистика может внести вклад в установление новых строгих принципов, позволяющих судить о ложной рекламе и ложной коммуникации, что способствовало бы выработке правовых установок и журналистской этики»* (цит. по: [Болинджер 1987: 42]). Для этого, по моему мнению, необходимы специальные интегрированные исследования лингвистов, психолингвистов и текстолингвистов.

В ложных коммуникативных актах адресант, используя кодированные знаки языка, преследует цель информировать адресата неправильно. При этом происходит наибольшее расхождение между интенциональной и финальной прагматикой одного и того же сообщения у адресанта и адресата. Она и в истинных (искренних) высказываниях никогда не совпадает полностью за счет того, что значения языковых знаков и пропозиций находятся не в языке, а в головах коммуникантов, и эти значения у них никогда не совпадают полностью.

Целью лжи в любом случае является непосредственное или опосредованное манипулирование адресатом: обмануть его, создавая у него ложную ментальную картину (пропозицию по Л. Витгенштейну), которая позволяет отодвинуть обратную связь на неопределенное время («Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей *будет* жить при коммунизме!»).

Ложь, несомненно, является, социальным, правовым и нравственным злом. Теперь в определенных структурах уже и специальное обучение проходят так называемые имиджмейкеры – манипуляторы общественным сознанием (пиарщики). И ведь лжецы всегда побеждают, как ни странно! И в наше время тоже. Все знают, что реклама лжет, чтобы обмануть покупателя, избирателя, и все равно люди покупают, выбирают фальшивки.

Ложь живет и процветает везде: «сказка – ложь...», в каждой шутке неявной функцией является ложь, и каждая метафора («ночь – дама с глазами звездными») – тоже ложь. С ее помощью происходит индукция ложных картинок (пропозиций) у реципиентов. Лживые слова, типа *никогда, ни за что, реформа, демократия* и т. д. – крючки, на которые ловятся люди. И хорошо бы каждому знать эти крючки заранее, априори, а не уже побывав распятым на них. Такие слова – маски лжи, и задача лингвистики – сорвать с них эти маски, маркировать их предупредительным знаком. Людям нужна языковедческая помощь в своевременном опознании лжи. Л. Витгенштейн утверждал, что язык переодевает

мысли. Наблюдения показывают, что он часто их переодевает в ложные одежды, и эта одежда тоже должна быть маркирована фосфорным свечением в темноте лживого общения.

Конечно, лингвистика лжи еще не сложилась окончательно. Работ чисто лингвистических на эту тему мало (см. библиографию: [Дённингхаус 2003], [Плотникова 2000]). Объясняется это многими причинами и, прежде всего тем, что лживыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. Наиболее обобщенно лингвистический аспект лжи рассмотрен в работах Х. Вайнриха и Д. Болинджера. Основные выводы исследований взаимодействия языка и лжи таковы. Лингвистика не может уничтожить ложь. Интересно утверждение Х. Вайнриха о том, что ложь занимает так много места в языке (речи) людей, что для истины почти совсем не остается места, «только узкая улочка» [Вайнрих 1987: 46].

Лингвистика, действительно, не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она может выявить прототипичные лживые средства языка, может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь, как нормальные слова становятся лживыми, рефлектируя коррелирующие с ними лживые понятия: *борьба хозяйствующих субъектов, демократия, реформа, суверенитет* и мн. др. в русском лексиконе. Россия давно уже висит «над пропастью во лжи» (В. Новодворская), и эмпирически «библиотека лживых слов» уже давно не только на слуху, но и в памяти, в языковом сознании русскоязычных людей старшего и среднего поколения. Молодое поколение в настоящий период активно к этой «библиотеке» приобщается через СМИ.

Лингвистика может установить лживые валентности слова и его отличие от слов, у которых таких валентностей нет. Лингвистика может и должна составить перечень всех слов, структурных интоном, просодем и кинем, уличающих ЯЛ в лживости, чтобы противостоять манипулированию собой и зомбированию со стороны, прежде всего – продажных СМИ. Сюда включаются и прямые и косвенные улики – сигналы лжи. Если с этой задачей лингвистика справится, то лживая речь и сигналы лжи (опознанные ее получателями. – В. Ш.) уничтожат друг друга [Вайнрих 1987: 82], а у лживой информации ослабеет манипулятивная функция, и люди будут успешнее ей сопротивляться.

Другими словами, в языковую и в эмоциональную/эмотивную субкомпетенции ЯЛ необходимо с детства вводить знания о лживых языковых знаках, структурах и приемах их опознания: «точечные бомбардировки», «лагерь беженцев», «зачистка», «восстановление порядка» и

другие многочисленные случаи переноминации как средства лжи о войне в Чечне. Их семантическое разоблачение – это проблема социолингвистической, правовой и нравственной экологии.

Уже из имеющихся исследований по психологии и лингвистике лжи видно, что лживые РА – результат намеренного злоупотребления языком, а следовательно, такое использование языка является унижением и оскорблением человека, нарушением его прав (о возвышающей функции языка см.: [Шаховский 1998б]).

Ложь настолько глубоко пронизывает языковое сознание и речь *homo sapiens* как метастазы, что у людей уже появилось новое заболевание – мифофобия – боязнь ненамеренно сказать неправду, и поэтому некоторые русские ЯЛ вообще избегают высказываться и общаться с другими ЯЛ. Молчание в таком случае действительно – золото, оно спасительно, более спасительно, чем спасительная ложь. Кстати, чтобы скрыть правду (истину), лучше действительно меньше говорить: меньше скажешь – меньше ненамеренно выдашь то, что не хочешь выдать. Лжет в любом случае не язык, а *homo fallens (mentiens)*, который использует кодированные языковые средства, а они – полуфункциональны. Это уже известно. Но в случае лживых РА *homo fallens (mentiens)* переформатирует их, т. е. перемещает те же самые слова, которые используются в искреннем дискурсе, в другое пространство во вновь заданные смысловые рамки с иной (смещенной) референцией. Так происходит овнешвление лжи для продуцента. Для реципиента это овнешвление чаще всего является истинной информацией (до поры до времени).

Вербальная ложь представляет собой систему скрытых смыслов, а они представлены на всех этажах языка: в лексике и в синтаксисе, в их семантике (скрытые для получателя смыслы), в интонации, в авербалике.

По мнению А.А. Масленниковой, эти скрытые смыслы постоянно взаимодействуют со своей средой – системой явных смыслов, а также с миром людей [Масленникова 1998: 4], т. е. миром говорящих, слушающих, наблюдающих языковых личностей. Ложь и сопровождающие ее смыслы всегда интенциональны, т. к. они создаются говорящим намеренно и все скрытые во лживых высказываниях (текстах, дискурсах) смыслы обусловлены индивидуальной или групповой стратегией. Следует согласиться с А.А. Масленниковой, что скрытые смыслы могут имманентно принадлежать уже некоторым языковым структурам (эвфемизмы, метонимия, метафора, гипербола, мейозис и др.).

Причем все скрытые смыслы известны продуценту речи, а их получатель в момент общения чаще всего их еще не осмысляет. У продуцен-

та лжи эти смыслы имеют иные референции и интерпретируются им по манипулятивному пути, замышленному продуцентом лжи.

С.Н. Плотникова в качестве одного из теоретических выводов своего исследования неискреннего дискурса приводит такой: «С семантической точки зрения неискренность представляет собой личностный смысл, состоящий в **осознанном** (выделено мной – В.Ш.) выражении ложных пропозиций взамен истинных» [Плотникова 2000: 8]. В ее работе этот вывод убедительно раскрывается: истинные личностные смыслы в лживых РА всегда скрыты, а те, что эксплицированы, являются ложными, манипулятивными, тенденциозными, дезинформирующими, т. е. неискренними.

Скрытым смыслом можно считать *«всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей»* [Масленникова 1998: 6]. В компетенции лгущего всегда имеется детерминанта системы скрытых смыслов, в качестве которой является интенциональность, т. е. намеренное введение говорящим скрытого смысла в свое сообщение. Введение таких смыслов ведет к кардинальным изменениям как в объеме передаваемой информации, так и в самом ее характере [Масленникова 1998: 6]. Иллюстрацией к словам А.А. Масленниковой является, например, длительное по временной протяженности манипулирование смыслами «может быть, еще живы», намеренно создаваемыми и транслируемыми в официальных интервью господина Клебанова по ТВ о подлодке «Курск». Аналогична ситуация и с официальными сообщениями о количестве заложников в средней школе № 1 г. Беслана: «"Из-под завалов извлекли 90 трупов... 100... 106..."», – рапортовали каждый час "официальные вруны". Если постепенно, в час по чайной ложке, вроде и не так страшно...» (МК, 8–15 сентября 2004, с. 5).

Эти и другие вербальные примеры выдают правительственную методику дозированной подачи гражданам страны неприятной информации – щадящая ложь во имя преуменьшения своей вины в конкретной трагедии.

И об этом лингвисты обязаны известить и предупредить эти самые массы, ибо плоды такой методики всегда впоследствии горьки и печальны. Как убедительно доказывает А. Меняйлов и как показывает жизнь, с ее помощью «управленцы» превращают людей «в предреченную всепланетную стаю» [Меняйлов 2002: 311]. Недавно с помощью трех «да» («да, да, нет, да») нас уже в такую стаю обращали, и смысло-

вые галлюцинации не позволили нам тогда сделать правильный «выбор сердцем» (о гипнабельности нескольких «да» см. [Меняйлов 2002: 340]).

Психолингвисты уже давно заметили, что цель любого общения состоит в том, чтобы «некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или *эмоциональную* (выделено мной. – *В.Ш.*) реакцию» [Красных 2003: 122].

Ложь не только распространена в любой лингвокультуре, но и особенно популярна у власть предрежащих. Как замечает А. Меняйлов, «на практике уничтожали (во все времена. – *В.Ш.*) лишь не изошренных во вранье, притворстве, хитрости. Лживые же выживали, давали потомство и занимали ключевые посты во власти» [Меняйлов 2002: 231]. А раз лживые у власти, особенно если они двумя руками держатся за ложное мировоззрение, искоренить ложь в обществе и в быту невозможно (см.: Дж. Оруэлл «1984»). С ней надо сосуществовать и учитывать ее в процессе коммуникации с этим обществом, ибо у него громадный генетический опыт лживости. Уже во времена Понтия Пилата верхом святости был обман [Меняйлов 2002: 297], например, лживые клятвы и валютные махинации первопрестольного Храма [Меняйлов 2002: 292-294].

Сотни тысяч страниц художественной литературы посвящены супружеским изменам – еще одной форме лжи: Ирэн изменила Сомсу Форсайту, Анна – Каренину, Китти – Уолтеру и т. д. до бесконечности, как и в реальной жизни.

Описаний в художественной литературе момента обнаружения таких измен множество: это одна из наиболее напряженных категориальных эмоциональных ситуаций. Ведут себя люди, оглушенные такой информацией, по-разному (см. например, гл. 18 «Раскрашенного занавеса» С. Моэма), но всегда очень эмоционально. Вспомним Уолтера из «Раскрашенного занавеса» С. Моэма, шекспировского Отелло, миссис Флетчер (рассказ «Ярость» Ч. Барстоу), Хелен Рид (из романа Д. Лоджа «Думает») и др.

Приведу пример из последнего источника. Главная героиня этого романа Хелен Рид после смерти своего мужа узнает о том, что он изменял ей с ее теперешней студенткой (и не только с ней). Вот как сама Хелен описывает свое эмоциональное состояние сразу же после признания этой студентки: фактически ей хотелось в бешенстве от его предательства визжать и бросать в студентку всем, что попало бы ей под руку, но реально она сохранила внешнее достоинство и профессиональную выдержку:

«I felt dizzy and hardly able to breathe. The raw breeze-block walls of the poky little office seemed to swell and contract, the gross, meaty nude on the Lucian Freud poster, and the black burnished figure on the Mapplethorpe, seemed to ripple and move obscenely. I struggled to conceal my dismay, to retain some dignity and professional poise. When she said, 'I hope this isn't going to prejudice my mark for the course,' I wanted to scream and throw things at her, but I just said coldly, 'That's what external examiners are for.' Then I terminated the interview.» (Lodge. Thinks...)

Такое сокрытие истинных эмоций можно назвать самоконтролем, самообладанием, и это – позитивное качество эмоциональной ЯЛ. С другой стороны, двуличие, т. е. внешнее выражение положительных эмоций при внутреннем испытывании резко отрицательного отношения к собеседнику – яркое свидетельство лживости:

«She gathered up her bag and they parted with mutual expressions of affection and good will.

«Silly old bitch,» he said when the door was closed behind her.

«Pompous old ass,» she hissed as she went down in the lift.

But when she got into her magnificent and very expensive car and drove back to Montagu Square she could not hold back the heavy, painful tears that filled her eyes. She felt old, lonely, unhappy, and desperately jealous» (Maugham. Theatre).

Внешне Майкл и Долли расстались приятелями, обменявшись добрыми словами взаимной симпатии, но, оставшись наедине, они обозвали друг друга довольно злобно: «Старая глупая б...» – сказал Майкл. «Напыщенный старый осел», – прошипела Долли. Это было уже искреннее вербальное выражение их эмоций, за которым у Долли последовал поток мучительных слез от осознания своей старости, одиночества, несчастья и отчаянной зависти.

Вся глава 17 этого романа представляет собой континуальную кластерно-эмоциональную ложь всех ее персонажей: Джулии Лэмперт, ее мужа Майкла, молодого любовника Джулии Тома и друга семьи Чарлза. Здесь представлена ложь и как языковая игра, и как подделка под юмор и шутку, и как теловая рефлексия (*obvious; embarrassment; startled look; went scarlet; was alert and wishful; cried gaily; crowded with delight*), как внешняя реакция Джулии на слова ее подруги о том, что ее компрометирует дружба с молодым парнем. А вот описание ее взбешенности и лексика ее внутреннего монолога – воображаемого разговора с Долли, которая выдала ее мужу:

«You old cow!; How dare you?; It was unpardonable! Your rotten old money; I'll never speak to you again. Never. Never...» Выше я уже упоми-

нал среди лживых слов русского и английского языка это слово – *никогда*.

Джулия должна была узнать, что именно Долли сообщила ее мужу и выстроила такую поведенческую тактику: *«It would be much wiser not to have a row with her. Julia smiled as she thought of the scene she would wheedle it all out of her, and never give her an inkling that she was angry»*.

Читателю ясно, что это тактика лжи (сокрытие настоящих эмоций), злости и ненависти.

Писатели не могли бы так мастерски описывать сцены сокрытия эмоций и борьбу внутренних вербально-ментальных эксплетивов и аффективов с их внешней рационализацией на фоне предательской или поддерживающей эту рационализацию авербалики их лживости, если бы не имели соответствующей, хотя бы пассивной, компетенции лжи. Рассмотрим один из эпизодов такой контраверзы: внутренняя искренность vs. внешняя лживость. Актриса Джулия Лэмперт узнала, что ее подруга Долли рассказала Майклу – мужу актрисы – о ее связи с Томом, который был на 25 лет моложе ее. Она этим возмущена и приглашает Долли на разговор.

В рассмотренной выше ситуации Джулия сразу после того, как она узнала о «предательстве» подруги, была взбешена и выстроила тактику разговора с Долли в самых «горячих» тонах (см. выше), и это были истинные эмоции Джулии. Но реально состоялась другая, типично английская тактика. Далее С. Моэм со знанием всех деталей эмоциональной дуэли с помощью лжи слов и тела описывает ее репрезентанты. Долли не хочет с Джулией говорить, так как она оскорблена ее адюльтером, но соглашается, и они называют друг друга ласкательным, дружеским *darling*. И тут же автор сообщает читателю об их лживости: *«Darling!»*. *But when she rang off Julia through clenched teeth muttered: «The old cow»* (вот это ее искренняя эмоция). Читатель из вертикального контекста уже знает об их истинных, скрытых за внешним вежливым этикетом взаимоотношениях. В этой эмоционально напряженной ситуации задействованы четверо англичан, и все они с пеленок научены скрывать свои истинные эмоции (такова английская культура эмоций): Роджеру было неинтересно, что ему говорила Долли, но он *«Listened politely»* и отвечал ей *«suitably»* (был вежлив и корректен, хотя и не очень внимателен). Джулия считывала с лица своего сына, что *«he was occupied with thought of his own»*, и в то же время он наблюдал за всеми взрослыми с таким любопытством, с каким обычно рассматривают зверей в зоопарке.

Следующий лживый вербальный шаг совершает Джулия, замаскировав свое приближающееся свидание с молодым любовником под сообщение сыну, что у нее есть два билета в театр и что Том до начала спектакля приглашает его в кафе. Это сообщение Джулия делает намеренно при муже и при Долли. Для Майкла, который уже знает о ее связи с Томом, и об этом Джулия тоже знает и знает, что именно Долли «просветила» его, это сообщение имеет скрытый смысл. Все участники этой эмоциональной сцены принимают доброжелательный вид, тем самым участвуя в лживой игре. Особенно лицемерны слова самого Майкла. После обмена многозначительным взглядом с Долли, он с особым блеском в глазах произносит фальшивую фразу: *«Tom is a very decent sort of boy. He won't let Roger get into any mischief.»*

Далее эмоциональная ситуация их общения становится еще более фальшивой для Джулии и Долли, которые уединились в спальне для «дружеской» беседы. На протяжении всей этой льстивой «доверенной» беседы двух подружек-лгуней читатель (наблюдатель) присутствует на спектакле – дуэли их вербальной и авербальной эмоциональной лжи. В ряде сцен язык тела выдает Долли (*Dolly's features at this slightly relaxed...; This time she was certain Dolly was disconcerted...*).

Джулия была высоко профессиональной актрисой, поэтому, когда ей было надо, она могла управлять и вербаликой, и авербаликой своих эмоций. *«Julia liked neither the words Dolly spoke nor the way she said them. But she gave no sign of her uneasiness. Her heart stood still...»* Истинные эмоции – ее внутренняя речь в авторских комментариях: *«The Fool. The blasted fool!»* После этого автор замечает: *«But recovering herself at once she laughed lightly»* (ее внешние эмоции – симулянтные, предназначенные для Долли). И далее – верх лживости Джулии: *«Julia, smiling good naturedly, looked at her with ingenuous eyes... They looked at each steadily, their hearts were black with hatred; but Julia still smiled»*. Их настоящие отношения в этот момент, наконец, названы: ненависть. Но внешне – взаимное дружелюбие и невинность.

Данная категориальная ситуация (выяснение отношений на интеллектуальном уровне, т. е. без внешних оскорблений, криков, плача и т. д.) вскрывает глубинные бурлящие эмоции, сопровождающие ложь обоих коммуникантов, игру этих эмоций, их многократное, вербальное и теловое переодевание (даже клятвы идут в ход как средство лжи). И все-таки обе героини знают, что Джулия лжет, и поэтому они расстаются холодно (*«They parted coldly»*).

Приведенная в качестве иллюстрации внешней и внутренней лжи сцена иллюстрирует очень неприятный вид лжи, поскольку обе стороны

это понимают и продолжают еще некоторое время свое общение, внутренне переживая ложь, но внешне этого не обнаруживая и не выражая. Этот вид лжи неприятен для ее продуцентов и реципиентов, независимо от ее вида (бытовой или политической) и от того, лгут ли обе стороны или только одна.

Обман и ложь как его разновидности в громадном разнообразии широко практикуются в повседневной жизни людей, и поэтому в языке так много слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний – клише для номинации этих практик лжи. Художественная литература по праву может быть названа депозитарием человеческой лжи. У В. Шукшина есть рассказ «Правда», который на самом деле повествует о хитрости, ловкачестве одного из председателей колхоза Аксенове. В своем выступлении на общем собрании он скрыл факт гибели свиней в его хозяйстве по его халатности и говорил критически в свой адрес только по мелочам (умолчание правды как вид лжи). Потом в разговоре с другим председателем он еще раз соврал, уже прямо дезинформировал его о том, что он якобы вызвал комиссию на пересмотр акта о гибели свиней. В первом эпизоде ложь Аксенова прошла незамеченной на собрании, которое не знало о существовании такого акта, но не прошла мимо коллеги, который об акте знал. А во втором эпизоде Аксенов все же обманул и коллегу, частично реабилитируя себя (ложь во спасение лица своего). Оправдываясь во лжи, Аксенов просит новичка-коллегу: *«Как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ли ты без этого (без вранья. – В.Ш.) или нет?»* (В. Шукшин)

Фактически ложь, как субъективно-волевая истина, вошла в жизнь людей неотъемлемым ее компонентом, и в каждом художественном произведении она присутствует во всем многообразии ее функций: регуляция, глорификация, дезинформация, манипуляция, (само)защита (спасение), дефамация, фатика и др. Ложь бывает и милой, и красивой, и доброй (ср.: *мне ложь твоя мила; сладкая ложь*), но во всех таких случаях *homo fallens (mentiens)* шагает по розам босиком. И она, в конечном счете, всегда портит воздух взаимоотношений. Речь, зараженная ложью, обладает огромной долговременной инерцией («единожды солгавши, кто тебе поверит?»). Солгавший навсегда остается в эмоциональной памяти людей лжецом.

Психологи утверждают, что общение без истины невозможно. Но роман Дж. Оруэлла «1984» опровергает это мнение. Речевая жизнь современного общества показывает, что именно без лжи общение (и вертикальное, и горизонтальное) становится все более и более невозмож-

ным. И это в то время, как ложь объявляется грехом в Нагорной проповеди!?

Поскольку уже неоспорим факт, что художественная (виртуальная) коммуникация (текст) является слепком реальной коммуникации, реального языка *homo loquens* и его реального поведения, то презентация в ней лживых вербальных (речевых) актов – несомненно объективный эмпирический материал для лингвистики лжи. Достаточно извлечь из этнокультурной памяти самого исследователя видовые знания в форме таких, например, классических образцов вербальной лжи, как Лука-утешитель (М. Горького «На дне»), чеховский Хамелеон, гоголевский Хлестаков (хлестаковщина), барон Мюнхаузен, Василий Теркин, Маргарита (М. Булгакова) и др.

Заключение

Полагаю, что уже одних этих примеров из русской и английской классики достаточно, чтобы убедиться в бесконечной эмотивной валентности вербальной и авербальной лжи. Все виды эмоциональной лжи, все вербальные средства, репрезентанты ее манифестации и писателям, и лингвистам известны, равно как и авербальные ее разоблачения. Поэтому мировая художественная литература является незаменимым «учебным пособием» по формированию компетенции распознавания лживого эмоционального поведения коммуникантов.

Тем не менее, лингвистикой лжи ее эмоциональный аспект изучен еще крайне слабо. Остается белым пятном в теории эмоциональной лжи большой список проблем. Лингвистике и коммуникативистике еще предстоит изучить много проблем неискренних образов сознания и их материализации в различных жанрах человеческого общения, прежде всего, бытового, политического и религиозного (увы! о лживости последнего типа общения уже тоже говорят и пишут).

Л и т е р а т у р а

- Боллинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.
- Дённингхаус Сабине.* Под флагом искренности (лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство») // *Жанры речи – 2*. Саратов, 1999.
- Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.
- Меняйлов А. В.* Понтий Пилат: Психоанализ не того убийства. М., 2002.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

Плотникова С. Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке. М., 2000.

Пузырев А. В. Выступление на Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты». Пенза, 2001.

Шаховский В. И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. М., 1998а.

Шаховский В. И. Возвышение языком // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Пятигорск, 1998б.

Riabtseva N. K. Conceptual Blending in Culture – Specific Metaphors // Journal of Philology. № 3 (15), 2003.